
УИЛЬЯМ УОРНЕР И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОПИСАНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

ИРМА ШИОШВИЛИ

I. Представление о природе символов

Теория символизма У. Уорнера (John William Warner, 1898–1970) синтезировалась и была творчески переработана на основе французской социологической школы (Э. Дюркгейм), символического интеракционизма (Дж. Г. Мид), психоанализа (З. Фрейд), бихевиористской (поведенческой) психологии и других направлений социологии и социальной антропологии. Важной вехой его научного творчества стал труд «Живые и мертвые» – фундаментальная монография о символической жизни современного общества, поныне не потерявшая своей актуальности.

Под символами Уорнер понимал «вещи, обозначающие и выражающие что-то другое»¹. Символами могут быть языковые значения, изображения, звуки, жесты, верования, представления, религиозные ритуалы; символична большая часть того, что передается людьми друг другу через слова и жесты в обыденной жизни. Символ, как обозначающее, отсылает к обозначаемому, которым могут быть «все известные реальные и воображаемые действия, вещи и отношения между ними»². Обозначаемое не обязательно что-то физически существующее; им может быть, например, чувство.

Уорнер полагал, что основной подход к изучению человеческой личности должен заключаться в понимании отношения человека к миру, другим людям, природе, самому себе. Символ состоит из двух компонентов: знака, или «метки», «внешне воспринимаемой формы», и «значения» (интерпретации знака индивидом или множеством индивидов). Значение всегда включает в себя некоторое концептуальное содержание и негативные или позитивные ценности и чувства, группирующиеся вокруг интерпретации. Восприятие символа состоит в осознании индивидом значения, исходящего от воспринимаемого знака.

Знак – наблюдаемая часть символа. Символическое общение всегда осуществляется в знаковой форме, через отправление и получение знаков. «Знаки помечают значения вещей»³, однако в роли меток значения выступают не только знаки, отсылающие к чему-то другому и обозначающие нечто, не присутствующее в знаках как наблюдаемых физических объектах, но и сами объекты. «Значащими вещами» («метками») могут быть признаки и констелляции признаков цвета, формы, действия и бездействия, движения, звука, шума, молчания и т. п.

¹ Уорнер У. Живые и мертвые. М., 2000, с. 1.

² Там же.

³ Там же, с. 2.

Значение чистого объекта ограничивается тем, чем он является как физический объект. «Интерпретация объекта может ограничиваться лишь общепризнанными “фактами”, касающимися того, чем он является для людей, его интерпретирующих, когда они с ним сталкиваются»⁴.

Уорнер выделил четыре типа значащих вещей: 1) чистые объекты; 2) опосредствующие объекты; 3) опосредствующие знаки; 4) чистые знаки⁵.

Опосредствующий объект также преимущественно обозначает самого себя, однако его концептуальное содержание окружено вторичными значениями, выходящими за пределы его как такового. К этому типу меток относятся, например, жилой дом, наделенный для конкретного индивида, его воспринимающего, какими-то вторичными значениями (напоминает его родной дом; ассоциативно связан с какими-то важными событиями его жизни, планами, желаниями и т. п.).

Опосредствующий знак обозначает преимущественно то, что не присутствует в нем как в наблюдаемом объекте, хотя часть его значения связана с ним. К этому типу меток Уорнер относит, например, кладбище, родной дом, домашнюю кошку...

Чистый знак обозначает и выражает нечто совершенно отличное от него как наблюдаемого объекта: либо какой-то другой значимый объект, либо чувства и верования. К чистым знакам относятся, например, слова (устные и письменные), крест, флаг, химические формулы и т. п.

Эти типы меток конституируют четыре качественно различных типа «знаковых ситуаций». В профессиональной жизни в качестве меток доминируют чистые объекты, в обыденной жизни – опосредствующие объекты, опосредствующие и чистые знаки, в сновидениях и дневных грезах – опосредствующие знаки. Символами являются только те значащие вещи, которые обозначают нечто стоящее за пределами наблюдаемого знака или объекта.

Объекты и знаки наделяются значением и становятся символами только в актах интерпретации («атрибуции значения»), интерпретация же всегда происходит в непосредственной ситуации действия, «здесь и теперь». Символ существует до тех пор, пока им пользуются интерпретаторы.

Любое взаимодействие между людьми включает в качестве необходимой и обязательной составной части обмен значениями посредством отправления и получения знаков. Основная часть символического взаимодействия как на биологическом, так и на социальном уровне заключается «...в символическом взаимодействии, отправлении и получении символов»⁶. Взаимодействие (а социальную жизнь Уорнер понимает, как длящийся непрерывный поток взаимодействия), представляет собой поток актов интерпретации знаков или атрибуции значений.

Уорнер считал, что первично в символе значение, а знаки и объекты вторичны. Значение – «центр, факт человеческой жизни». Знание конвенциональных значений составляет решающее условие выживания общества и выживания в нем индивида. Коммуникация между людьми – прежде всего обмен

⁴ Там же, с. 499–503.

⁵ Там же, с. 509.

⁶ Там же, с. 515.

значениями, физическими же объектами (знаками и объектами) люди пользуются как средствами для выражения значений.

Каждый единичный акт атрибуции значения происходит в контексте непрерывного потока видовых актов и в контексте культурно ограниченного взаимодействия. Значение всегда удерживается в границах, установленных культурой и биологическим видом. Мы всегда должны принимать во внимание видовые контексты, в которых используются те или иные знаки. Особенно подчеркивалось Уорнером влияние, оказываемое на символические системы «человеческим видом, как (органической) животной организацией»; это одна из наиболее оригинальных сторон уорнеровской концепции символизма.

II. Структура символов и их взаимосвязь с поведением и мышлением

Исходя из того, что знаки могут давать выражение разным «вещам» (объектам, представлениям, чувствам), Уорнер выделил три типа символов: референциальные, эвокативные, промежуточные.

К референциальным символам он относит референциальные и научные понятия, логику суждений и рациональность дискурса. Значения этих символов, как правило, оговорены в сообществе, а их взаимосвязи строго зафиксированы. Эти символы обычно используются для сообщения информации и поддаются верификации.

Эвокативные символы дают выражение чувствам. Их значения экспрессивны, аффективны, нерациональны; они отсылают к таким чувствам, способам знания и понимания, которые выходят за грань обыденного опыта и не поддаются эмпирической проверке. Эти символы играют чрезвычайно важную роль в сохранении социальной жизни и поддержании солидарности членов сообщества: люди нуждаются в знаках «как внешних формах для придания чувственной реальности тем чувствам и представлениям, которые наполняют их душевную жизнь». Благодаря эвокативным символам, эти невесомые и неуловимые чувства и идеи переносятся в мир воспринимаемой «объективной реальности». Устойчивая и стабильная знаковая среда – один из важнейших механизмов сохранения общества.

По Уорнеру, большинство символов, фигурирующих в обыденной жизни, принадлежит к промежуточному типу; они совмещают в себе свойства референциальных и эвокативных символов.

Когда совокупность однотипных или различных символов, выполняющих одинаковые или разные функции, координируется в узнаваемое единство, они создают символическую систему. Они часто исполняют роль индивидуальной и групповой памяти о прошлом и ожиданий на будущее⁷.

Эвокативные символы, выражающие коллективные чувства, имеют первостепенное значение для поддержания преемственности социальной жизни и культурной традиции. Символы, пробуждающие воспоминания о событиях, происшедших с индивидом или группой, часто отличаются высокой степенью конденсированности. Интенсивные чувства, вложенные в эти символы их

⁷ Там же, с. 523–524.

создателями, участниками соответствующих событий, «консервируются» в соответствующих знаковых формах и пробуждаются вновь при повторном их использовании (в том числе и следующими поколениями).

Символы, направляющие внимание людей на прошлое и связывающие с ним, обычно нерациональны и эвокативны. Такие символы, как правило, занимают центральное положение в коллективных обрядах сообщества (как сакральных, так и секулярных). Эвокативные знаки описываются Уорнером на примере празднования трехсотлетия Янки-Сити и интерпретируются как конденсированные версии тех событий, которые в них зафиксированы⁸. Эффект воздействия этих знаков сохраняется еще долгое время после того, как сами события будут забыты.

Если в контексте технической подсистемы культуры символы обычно рациональны и образуют организованное, внутренне непротиворечивое и согласованное знание (научные системы), то в контекстах моральных и сверхъестественных систем они, как правило, нерациональны и нелогичны. Нерациональные и нелогичные символы составляют ядро эмоциональной жизни индивида и группы.

Регулирование социальных взаимодействий осуществляется, главным образом, «моральными» и «сверхъестественными» символическими системами, а образующие их символы, связанные с видовыми потребностями, нагружены мощными аффективными инвестициями. Эти символические системы выражают и пробуждают эмоции, являющиеся «частью постулатного потока видовой жизни». Нерациональные эвокативные символы адаптивны и, представляя основные элементы «животной организации человека», оказывают на его поведение гораздо большее влияние, чем рационально-логические символы науки, имеющие относительно слабую эмоциональную окраску. Таким образом, поведение и мышление человека преимущественно нерациональны, нелогичны и подчинены эмоциональной логике видовой жизни. Нерациональные эвокативные символы адаптивны, это основные элементы «животной организации человека». Подобные положения определенным образом созвучны с представлениями о символическом обмене Э. Гоффмана⁹.

III. Символизм в сложном обществе

Эвокативные символы часто становятся сакральными. Фактически все священные символы базируются на нелогичных чувствах человека. По мнению Уорнера, в символах «сверхъестественных» контекстов закрепляются и находят выражение чувства, присущие человеку как видовому существу и связанные с фундаментальными условиями его существования. Это желания и надежды, страхи и тревоги, мысли о жизни и смерти, физиологических потребностях, несчастье и благополучии.

Уорнер писал: «Люди, вовлеченные в какое бы то ни было общество <...> являются неотъемлемыми элементами жизни человеческого вида и поступательного жизненного потока взаимосвязанных видовых событий»¹⁰. Наш вид,

⁸ Там же, с. 118–140, 257–275.

⁹ Гоффман Э. Преподнесение себя другими в повседневной жизни. М., 2000, гл. VII.

¹⁰ Уорнер У. Живые и мертвые, с. 501.

близкий к другим приматам, обладает ядром невербальных и несимволических значений и жестов, которые тесно связаны с нашей животной природой; в них выражаются многочисленные потребности, страхи, удовольствия, лишения и фрустрации, обнаруживаемые и у других приматов. Видовая жизнь человека всегда заключена в границы, установленные культурной системой, однако культура и социальная организация, как бы ни различались они в разных сообществах, могут существовать и сохранять свою стабильность лишь при условии, что они не парализуют видовую организацию человеческой жизни.

В «Живых и мертвых» Уорнера разрабатывается идея о том, что символические системы общества связаны с его структурной формой и вместе с ней изменяются. В сложном обществе (таком, как американское) существует многообразие символических систем, что связано с развитым разделением труда и разветвленностью социальной структуры.

В современном обществе Уорнер выделяет две тенденции развития символического процесса – сегментации символического поведения, возрастания его гетерогенности и все большей генерализации, стандартизации и унификации общепонятных, публичных символов.

Тенденция сегментации символических систем в сложных обществах наиболее ярко проявляется в формировании крайне малых групп, обладающих «эзотерическими символическими системами», каковыми могут быть, например, какие-то особые поэтические стили, научные языки, групповые ритуалы. Эти особые символические системы сплачивают группы и тем самым превращают их в относительно обособленные и самодостаточные единицы. Многообразие символических систем поддерживает культурную гетерогенность сложного общества.

Унификация поддерживает минимально необходимую сплоченность и более широкую солидарность общества, не позволяя ему распасться на совокупность обособленных социальных сегментов, и проявляется во все большей стереотипности общеупотребимых символов, составляющих в сложном обществе «интегративную символическую систему». Это те символы (языковые, визуальные и т. д.), которые эксплуатируются системой школьного образования, средствами массовой информации и массовой культурой. Как отмечает Уорнер, сложное общество, включающее в себя многочисленные социальные группировки, жизненно нуждается в таком «ядре базисного взаимопонимания», причем необходимо не только знание этих символов, но и инвестирование в них определенных чувств, обладающих достаточной интенсивностью.

Эти две разнонаправленные тенденции, сочетаясь друг с другом, обеспечивают минимально необходимую солидарность как общества в целом, так и составляющих его групп. В обоих случаях солидарность держится на чувствах, вкладываемых индивидами в групповую принадлежность и соответствующую систему символов.

На примере сообщества Янки-Сити Уорнер подробно проанализировал связь символического поведения с классовой структурой американского общества. Для столь сложного общества, как американское, характерно распределение между социальными классами различных форм деятельности, знаний, ценностей, символов, интеллектуальных интересов, стилей одежды, типов жилья,

форм проведения досуга, манер, жестов. Это распределение заметно не только в макроуровневых явлениях, но и в повседневной жизни. Например, Уорнер отмечает, что в отличие от представителей низших классов, покупающих преимущественно «физические» свойства продуктов и промышленных товаров, те, кто принадлежит к высшему классу, склонны тратить деньги на символические свойства товаров. В частности, покупая дом, человек из высшего класса платит не только за физический кров для своей семьи, но также и за «правильный тип» дома в «правильном районе». Между классами распределены даже такие символические поведенческие проявления, как типы шуток. Разные классы по-разному чувствительны к разным формам юмора. Высшие классы предпочитают мягкие сексуальные шутки, проявляя меньший интерес к грубым скабрёзностям, и почти невосприимчивы к «анальному» юмору. В низших же слоях общества наибольшей популярностью пользуется именно «анальный» юмор, подсознательно тесно связанный с темой равенства. Проанализировав политкампанию в Янки-Сити, Уорнер, в частности, отметил широкое использование политиками скатологического юмора в борьбе за низшие слои избирателей, а также наличие корреляции между применением такого рода шуток и риторикой равенства.

Поскольку «базисная система» крупных обществ современного типа – это система экономическая, то основные ценностные конфликты в них сосредоточены вокруг технологического прогресса. Уорнер выделяет два таких конфликта: между ценностями прогресса и преобразований и консерватизма (моральными, эстетическими и интеллектуальными ценностями прошлого); между ценностями карьеры, возвышения, мобильности и социального «статус-кво», уходящими корнями в кастовую систему. В силу определяющего воздействия «интегративной системы» на мировоззрение индивидов оба эти конфликта проявляются во всех сферах символической системы сложного общества. Их типичное символическое выражение – противостояние технологий и консервативных обычаев, изменений и стабильности, будущего и прошлого, юности и старости, детей и отцов.

С точки зрения уорнеровской социальной антропологии и символической идентификации, полезно исследовать структуру советского и постсоветского обществ. Исключительные условия и цели строительства социализма с формированием людей совершенно особого склада требовали целого каскада мифологем, характерных для любого тоталитарного и репрессивного государства. Но, в отличие от Германии с ее краткосрочным фашистским режимом, идеологема нового советского человека существовала десятилетиями. В результате сложился тип человека, основными чертами которого, по определению Ю. А. Левады, были принудительная самоизоляция, государственный патернализм, эгалитаристская иерархия, имперский синдром. Такой набор характеристик свидетельствует «скорее об определенной принадлежности человека системе ограничений, чем о его действиях и интересах»¹¹.

На постсоветском социальном пространстве декларируются идеальные представления о спокойной и благополучной жизни, ограниченной кругом самых близких людей, которым можно доверять и на чью помощь и поддерж-

¹¹ Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 1990-х. М., 1993, с. 24.

ку можно рассчитывать. Это ценности частных, партикуляристских отношений; они не подлежат моральной или правовой универсализации, т. е. не распространяются за пределы конкретного круга людей. Ведущая среди этих ценностей – «крепкая семья», защитный барьер против внешних угроз, зона доверия и сочувствия близких людей. Следующими символами-ценностями выступают «надежные друзья» и «материальная независимость» – комфортная среда, также изолированная от государственного контроля¹².

В постсоветском обществе возникает еще одна, прежде завуалированная ценность – символы конфессионального толка. В зависимости от конфессиональной принадлежности и этнических особенностей как индивидуума, так и общества в целом они во многом детерминируют поведенческие стереотипы общества. Постсоветский человек, теряя привычные стереотипы и попадая под гнет обостряющихся противоречий между консерватизмом и прогрессом, весьма подвержен фобиям относительно будущего. Этому способствуют рост преступности как неконтролируемой социальной силы, угроза безработицы, снижение социальных гарантий со стороны государства, репрессивная политика и авторитаризм ряда постсоветских государств. Для постсоветского общества также характерно усиление миграционных процессов, появление людей «второго сорта», гастарбайтеров, плохо адаптирующихся в новой социальной среде и вызывающих всплески шовинизма и снижение толерантности.

ԻՐՄԱ ՇԻՈՇՎԻԼԻ – Վիլյամ Ուորները և ժամանակակից հասարակության սիմվոլիկ կյանքի նկարագրման տեսական հիմքերը – Հոդվածի հեղինակը, վերլուծելով ամերիկացի սոցիոլոգ Վիլյամ Ուորների (John William Warner, 1898-1970), ինչպես նաև մի շարք այլ հայտնի գիտնական-սոցիոլոգների աշխատությունները, քննարկում է ժամանակակից հասարակության կյանքի սիմվոլիկ ձևերն ու դրանց ուսումնասիրման տեսական հիմքերը: Հոդվածում ներկայացվում են սիմվոլիզմի և սիմվոլների մասին տեսական դրույթներ, քննարկվում են դրանց կառուցվածքային առանձնահատկություններն ու ազդեցությունը ժամանակակից ինդուստրիալ հասարակության մեջ առկա վարքային կարծրատիպերի վրա: Վերլուծվում են նաև սոցիալական հիերարխիայի և հասարակության ստրատիֆիկացիայի արդի հիմնախնդիրներ սիմվոլիկ դրսևորումների տեսակետից:

IRMA SHIOSHVILI – William Warner and Theoretical Bases for Description of Symbolic Life of the Modern Society. – In the mentioned article the author discusses the theoretical and practical aspects of symbolic life of modern society. The works of American sociologist William Warner and the works of XX century famous sociologists are the basis of this discussion. The regulations and concepts of symbolism and symbols, as well as their structure and influence on the behavior stereotypes of modern industrial society are given in the article. The questions of social hierarchy and stratification of society are also discussed.

¹² См. Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Зоркая Н. А. Постсоветский человек и гражданское общество. М., 2008.